

DOI:

ОСЕТИНСКАЯ ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ ФЫДУАНИ: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА И МУЗЫКАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ

Д.М. Дзлиева

Песни Фыдуани / Фидуаней в осетинской традиции являлись частью культа в честь покровителя сильных ветров и бурь. В современной обрядовой ситуации и сам праздник, и песенные жанры, сопровождавшие обряд, стали неактуальны. В работе избран сравнительно-аналитический метод изучения песен, зафиксированных на различных отрезках исторического времени. Материалами исследования выступают нотировки, найденные в различных архивах, а также наиболее ранний из известных науке образец аудиозаписи 1936 г., хранящийся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом). Предварительные наблюдения, сделанные на основе анализа обнаруженных источников, позволяют утверждать, что все рассматриваемые песни имеют общие структурные свойства, не характерные для религиозно-мифологических песен гимнического содержания. Сравнительный анализ дает возможность сделать вывод о том, что жанровая принадлежность обнаруженных образцов песни Фыдуани / Фидуаней, вероятно, относится к эпическим. Об этом свидетельствуют следующие характерные музыкально-стилевые особенности: краткость изложения, логическая и структурная завершенность, соответствие одной стиховой строке, равномерность акцентуации и т.д. Кроме того, в статье опровергается мнение некоторых абхазских ученых, выдвинувших теорию о близости осетинского культа «Фыдыуани» с абхазскими «Дзиуауа» и «Дад Иуана». Новизна исследования обусловлена отсутствием специальных научных работ в области этномузыкознания, посвященных песне в честь осетинского покровителя ветров и бурь. Публикация снабжена нотным материалом. Часть нотаций расшифрована автором статьи и вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: осетинский фольклор, осетинские народные песни, традиционная музыка, осетинская культура, этномузыкология.

Для цитирования: Дзлиева Д.М. Осетинская песня в честь Фыдуани: проблемы жанра и музыкальной стилистики // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 59 (98). С. 145-155. DOI:

Поступила в редколлегию: 26.02.2026 г.

В народном календаре праздник в честь Фыдуани / Фидуаней (диг.) справляется в летне-осенний период. Согласно этнографической литературе, празднуют его повсеместно, однако сроки празднования различаются в зависимости от локальной традиции. Как отмечает В. Уарзиати, «этот праздник достаточно хорошо известен всем этническим группам осетин, с той лишь разницей, что есть разночтения в названии и сроках праздника. В частности, в селах Тапан-Дигории этот праздник известен как Сослани кувд, во время которого в прежние времена молились о хорошей погоде на период жатвы» [1, 94]. О связи культа Фыдуани с культом нарта Сослана пишет и В. Абаев, отмечая при этом, что данный праздник проводят в дни, близкие к дню летнего солнцестояния, в которые, по католической традиции, празднуют и день Иоанна Крестителя. Связь этого христианского святого с героем Нартовского эпоса исследователь прослеживает через оним Ойнон «как искаженное Иоанн» [2, 175], который, согласно дигорским эпическим сказаниям, являлся прислужником Фыдуани, и убил нарта Сослана: «И кизгæ дæр æ цæстисугтæ æркалдта 'ма æ фидæмæ исцудæй 'ма йин рагъаст кодта, Сослан мæбæл нæ барвæнстæй, зæгъгæ. Æма йин йе ба загъта, нæ дин загътон, йеци лæгмæ дæхе къахæй ма цо, нæ дæбæл барвæнсдзæнæй, зæгъгæ. Уæдта æ фæсдзæуинæ Ойнони Цалхæн загъта, цо, æма Сосланбæл куд разелай, уотæ, зæгъгæ»

[3, 595–599]. – «Девушка, плача пошла к отцу жаловаться, что Сослан пренебрег ею. Он ей ответил, что предупреждал, чтобы она сама не шла к Сослану, что не снизойдет он до нее. И сказал своему прислужнику – колесу Ойнона, чтобы оно поразило Сослана» (здесь и далее перевод наш. – Д.Д).

В свою очередь В. Абаев *Фыдуани* фиксирует двумя лексемами – *Фид Иуаней* и трактует их как отец Иоанн (Иоанн Креститель) [2, 175; 4, 316]. Об этом же пишет А. Туаллагов: «Имя св. Иоанна, вытесненное впоследствии у осетин именем Алаурди (Аларды), вошло в осетинский на двух разных этапах христианизации – сначала в форме Ойнон, а затем, при повторной христианизации, было заменено на форму *Фыдуани*, *Иуане*» [5, 28].

Иной точки зрения придерживается известный осетинский исследователь и первый профессор на Кавказе Б. Алборов, который отрицал связь праздника в честь нарта Сослана, справляемый в западной Дигории с праздником в честь *Фыдуани* или Иоанна Крестителя [6, 267]. В своей работе «Легендарное колесо Нартских сказаний» ученый отмечал, что оним *Ойнон* не имеет никакого отношения к христианскому Иоанну Крестителю, а произошло от названия греков-ионийцев, некогда населявших Туальский район Северной Осетии, о чем свидетельствуют и некоторые поговорки, сохранившиеся в языковой культуре народа [6, 267].

Материалы, подтверждающие, что в Дигорском ущелье Северной Осетии существовал самостоятельный праздник, посвященный именно *Фыдуани*, находим у Л. Чибирова. Описывая праздничные мероприятия, исследователь отмечает, что культ отправлялся женщинами, которые устраивали обрядовое пиршество недалеко от селения и молились о том, чтобы *Фыдуани* уберег их от града, сильных дождей и тем самым защитил урожай [7, 198]. Кроме того, сведения о празднике *Фидуаней* (диг.) находим у М. Гарданти [8, 63].

В пантеоне осетинских небожителей *Фыдуани* является патроном сильных ветров и бурь [9, 283], охраняющий от града и любой другой непогоды [10, 49; 11, 169]. Наряду с двумя другими покровителями ветров Галагон'ом и *Уахъæз'ом* считался самым суровым: «*Фыдуани уыди фыдæлтæн дымгæйы æртыккаг бардуаг æмæ сын хаста маст, фыдæх. Хонгæ дæр æй кодтой тызмæг номæй – Фыдуаг Уане – Фыдуани*» [9, 452] – «У предков *Фыдуани* был одним из трех покровителей ветров, он приносил неприятности. И называли его тоже грозным именем – Шальной (непослушный) Уане – *Фыдуани*». Согласно традиционным верованиям, этот покровитель любил хвалу и преклонение, а тем, кто не почитал его, нес разрушения и несчастья, связанные с уничтожением урожая. В сказании «*Фыдыуани и Нырыбардуаг*» [12, 455-459] по отношению к покровителям-героям используется определение *дыууæ рыны* – 'две болезни'; и если *Нырыбардуаг* в примечаниях к тексту указан как вариант *Рыныбардуаг* (Покровитель болезней), то почему этот эпитет применяется к *Фыдуани* – остается загадкой. В данном сюжете раскрывается мотив ожесточения обоих покровителей, которые были опозорены перед Богом за то, что насмеялись над нартом Алагом: «*Уæдæй фæстæмæ Фыдыуани æмæ Нырыбардуаг Нартыл ницæмæйуал ауæрстой. Нартæн кодтой фыдмитæ æмæ фыдбылызтæ. Фыдыуани æмæ Нырыбардуаг та æлгъыстæй баззæдысты Нарты æхсæн*» [12, 459]. – «С тех пор *Фыдыуани* и *Нырыбардуаг* не щадили Нартов. Насылали на Нартов беды и творили бесчинства. А Нарты проклинали *Фыдыуани* и *Нырыбардуаг*».

О мстительном характере *Фыдуани* косвенно повествует и песня, исполняемая во время уборки урожая, в которой делается акцент на то, что быть ему обязанным нежелательно:

*Æрзад, æрзад æлутон,
Сыгъдаг дзуарттæн – кувинаг,
Æмбисæндтæн дзуринаг.
Нæргæ Йелиа – йæ зæхгæс,
Фыдуанийæ – æнæ хæс.
Комбæсты фарн – йæ хицау.*

Расти, расти алутон,
Светлым покровителям – ритуальная пища,
В пословицах упоминание.
Гремящий Елия – смотритель земель,
Фыдуани – ничем не обязан.
Фарн жителей ущелья – его хозяин [9, 109].

Согласно этнографической литературе, праздник в честь *Фыдуани* отмечался не повсеместно: «*Фыдуанийæн нæдæр кувæндæттæ уыди, нæдæр ын сæрмагонд кувинагтæ кодтой. Йæ ном ын ардтой Цыргъисæны æмæ Тутыры бонты фынгты бæркадтæй*» [9, 283]. – «У *Фыдуани* не было ни святилищ, ни отдельного молитвенного застолья. Его вспоминали во время праздничных столований во время праздника *Цыргъисан* (праздник в честь первого выхода на сенокос. – Д.Д.) или в дни *Тутыр*'а (покровитель волков. – Д.Д.)». К локальным особенностям празднования также относятся и сведения Л. Чибирова о том, что «в Тагаурии и в бассейне реки Большая Ли-ахва “*Фыдуани*” был известен под названием “*фосæлвынæн*” (букв. время стрижки овец)» [7, 198].

В тех локальных традициях, где бытовал специальный праздник в честь *Фыдуани/Фидуаней*, его день приходился на конец августа – начало сентября (через две недели после праздника *Майрæмтæ* в воскресенье) [13, 110; 7, 34–35; 9, 452], в Дигории немного раньше – в начале августа [7, 198]. Согласно этнографической литературе, в самом празднестве принимали участие только женщины, устраивая обрядовую трапезу с песнями и плясками где-то на открытом поле, близко к населенному пункту: «Здесь они молились о погоде и после трапезы устраивали танцы, пели песни и т. д. Поскольку этими стихийными явлениями руководил пророк Илья (Уацилла), в праздник “*Фыдуани*” молитвы направлялись в его адрес <...> В обрядах и действиях *Фыдуани* и Уацилла много общего, что говорит об общей природе их возникновения» [7, 198-199].

В работе «Ритуальный мир традиционной религии абхазов» исследователь В. Би-гуаа высказывает мнение о том, что праздник *Фыдуани* близок абхазскому женскому обряду вызывания дождя *Зиуауа* (Дзиуауа): «Женщины в своих лучших и светлых нарядах собирались во дворе одного из домов <...> Куклу обряжали, сажали на покрытого белой простыней осла и, аккуратно придерживая, двигались к плоту. В случае отсутствия же у них сего животного они насаживали ее на шест и несли на руках, как бы имитируя верховую езду. При этом шествие сопровождалось одноименной с обрядом песней» [13, 151]. Однако, на наш взгляд, данные обряды имеют значительные функциональные различия.

В связи с описанным абхазским ученым обрядом вызывания дождя можно вспомнить идентичный осетинский обряд с использованием обрядовой куклы (точнее женщины, изображающей куклу), описанный Е. Бараковой: «*Уарын дзæвгар рæстæг куы нæ ваййы, уыд устытæ ацæуыны æрвдзæф дурмæ. Уым сын лæппутæ раздæр скæныны – скахыны мал. Устытæ сæхи уым анайыны, малмæ æппарыны. Фæлæ*

фарон сын уым дон нал уыд, ама дон уалейæ хастой ама йæ сæхиуыл калдтой. Устытæ над куы фæвæййыны, уæд устытæй сегасæй бæрзонддæр чи уа, уымæн йæ къуыхтæ сæрбæттæнæй фидар хæрдмæ бабæттыны ама йын йæ уалæ кæныны йæ сырх йæ та урс хæцъил – Акыло йæ скæныны чындзы хуызæн. Ус афтæмæй йæ къухтæ алырдæм фезмæлын кæны ама йыл иннæтæ фæхудыны. Акылойæн йæ фæдыл устытæ кафгæйæ фæцæуыны, худгæйæ. Фæндыр дæр сæм иу вæййы. Заргæ та фæкæныны – Еляйы зарджытæ, стæй устыты зарджытæ. Уырдаем семæ ахæссыны кувинагтæ: чъиритæ, авджыдзаг – къуымæл, – алы ус дæр» [15, 22]. – «Когда долго не бывает дождя, женщины идут к отмеченному молнией камню. Там юноши заранее роют небольшой пруд. Там женщины купаются и бросают друг друга в ров. Но в прошлом году воды не было, и они ее несли с собой и обливались. Когда женщины заканчивают плескаться, самой высокой связывают поднятые над головой руки либо белым, либо красным куском материи – Акыло делают, похожую на невесту. Женщина двигает руками в разные стороны, вызывая у присутствующих смех. Так, за Акыло идут остальные, танцуя и смеясь. У них и гармонь бывает. А поют они песни, посвященные Елия, и женские песни. Туда же они несут и ритуальные блюда: пироги, бутылку кваса – каждая женщина». Как видим, оба обряда имеют схожую семантику и обрядовый контекст.

Обращаясь к межкавказским параллелям, Б. Калоев отмечает: «В области духовной культуры выявляется сходство таких названий, как абх. чопа (обряд и песня, исполняемые вокруг пораженного молнией) – осет. цоппай, ‘лдары цоппай; абх. Мэ-камгариа (название божества и праздника архангелов Михаила и Гавриила) – осет. Мыкалгабыртае; абх. Дад-иуана (название божества, святого) – осет. Фыд-иуани, букв. отец Иоанн (Иоанн Креститель) [16, 328]. По сведениям информантов, Дад Иуана в традиционной абхазской мифологии является покровителем охоты и леса, где Дад уменьшительно-ласкательное обращение к парню/мужчине, а Иуана – имя (зап. Д. Дзлиева от Д. Чурей 06.02.2025 г.). В работе А. Ашхаруа «Озвученные рассказы об абхазской народной песне» находим наиболее точное пояснение о том, что «в пантеоне богов охоты существовал и сын Ажæи □ шья, Иуана, к которому также обращались с любовью и надеждой, называя его Дад» [18, 42]. Ниже приведена нотировка абхазской охотничьей песни, в которой упоминается Дад Иуана (рис. 1) [19, 210–212].

О, великий Ажешкан – бог охоты! Пошли нам удачу!
 Если это будут мелкие козы, мы не обидимся.
 А если чуть покрупнее, то это будет еще приятнее.
 А если попадетс я тур или косолапый медведь,
 То что же может быть лучше?!
 Так просил наш Дад Иуана бога охоты [19, 212].

Музыкально-типологические особенности песни связаны с сегментированным силлабическим стихом и вопросо-ответным соотношением двух разделов музыкальной композиции. Первая, запевная часть строфы, представляет собой ритмизованную декламацию, предполагающую вариативность. Вторая часть – ритмически устойчивый ансамблевый рефрен.

Что касается осетинской песни Фыдуани/Фидуаней, то она известна нам в нескольких вариантах. Один из них был записан в 1936 г. шведским музыковедом и этнографом Эрнстом Эмсгеймером (1904–1989).

210

73. Даг Иуана жэпшыканари №1
73. Хотничья песня №1

Larghetto м. м. J. 88
Запевала Хор

Хор
о рахъ жэмишь жэмишь ка. ве. ри да ди да. да да
жэмишь ла жэгула леикужъ леицажь да ди да да хи
уа шьма. сса. заргъ а. цоа цъава. за. руи да ди да. да хи
уа шьах. уар. заргъ ва. ца лка. ха да ди да. да хи
уа Куа. саб. заргъ ца ршоа мгуа. кьа да ды да. да ха

М. 20241 Г.

211

уа шьа. пажезар. гы ха. цахъ шьа. шажо да ди да. да ха
уар. бажо. ы. ар. гы ла. хэа ла. цоа да ди да. да ха
кьашъ ар. баръ аз. куа ла. гу. гу да ди да. да ха
уах. ашэка. а. куа. куа ла. хэа а. шэа нжъ. шонт да ди да. да ха
ла. хэа цоа нжъ. шонт гут. ыц шэа хиуа да ди да. да ха

М. 20241 Г.

Рис. 1. Хотничья песня

Будучи сотрудником отдела антропологии и этнографии Академии наук СССР, в 1936 г. Э. Эмсгеймер возглавил фольклорную экспедицию на Северный Кавказ, где, помимо прочего, им было зафиксировано свыше двухсот образцов осетинского музыкального фольклора. В настоящее время коллекция, собранная шведским фольклористом и составляющая более пяти часов аудиозаписей, хранится в Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) [20, ФВ 5304–5352]. Зафиксированный Э. Эмсгеймером вариант песни «Фидуани» является самым ранним из известных в науке. Ниже представлена расшифровка аудиозаписи [20, ФВ 5330–4], созданная автором статьи (рис. 2).

Зап. Э. Эмсгеймер
г. Владикавказ, 1939 г.

Солово
Хор

Фидуани

Рис. 2. Фидуани

В данном образце музыкальная строфа состоит из трех коротких фраз, исключение составляет лишь последняя, обрывающаяся после второй, что, на наш взгляд, яв-

ляется не нормой, а спецификой фиксации. Диапазон развития мелодической линии солирующего голоса составляет септиму. Общая логика связана с секвенционным развитием на фоне басового голоса, который тянет бурдон в чередуемых интервалах октавы и квинты. К сожалению, в связи с естественным старением носителей расшифровать текст не представилось возможным.

Кроме описанного выше образца песни, посвященной покровителю ветров и бурь, нам также удалось обнаружить еще две слуховые нотации, хранящиеся в архиве Дома народного творчества, не имеющих должной паспортизации и зафиксированных в объеме одной строфы (рис. 3, 4).

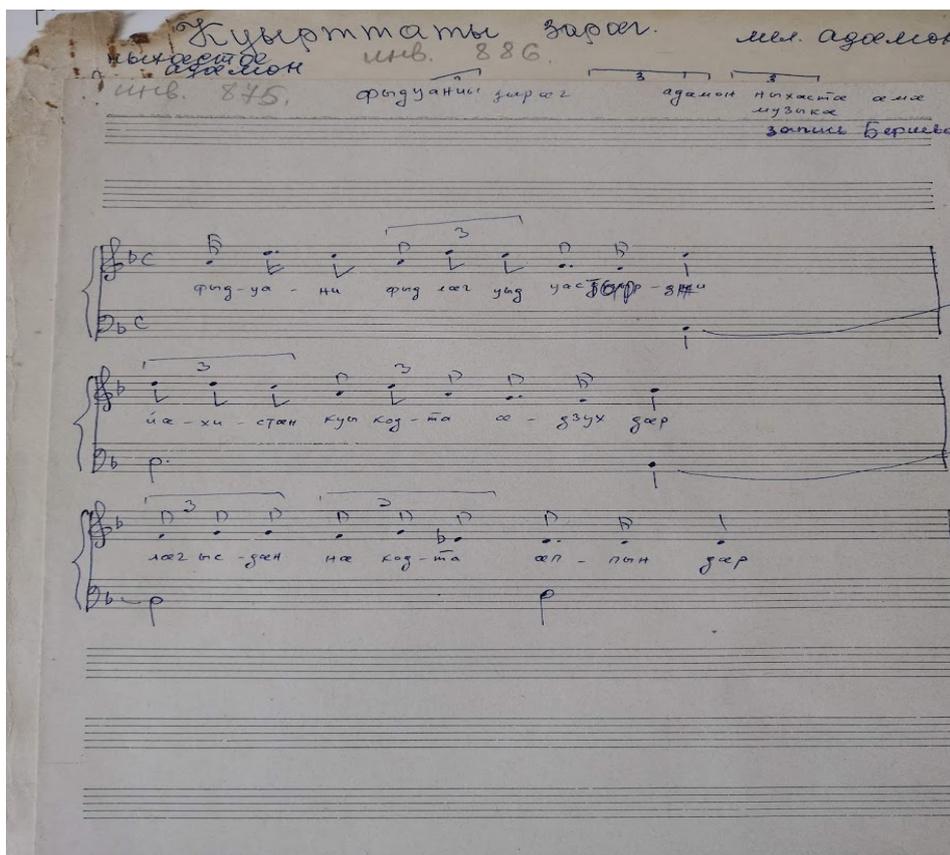

Рис. 3. Фыдуанийы зарæг

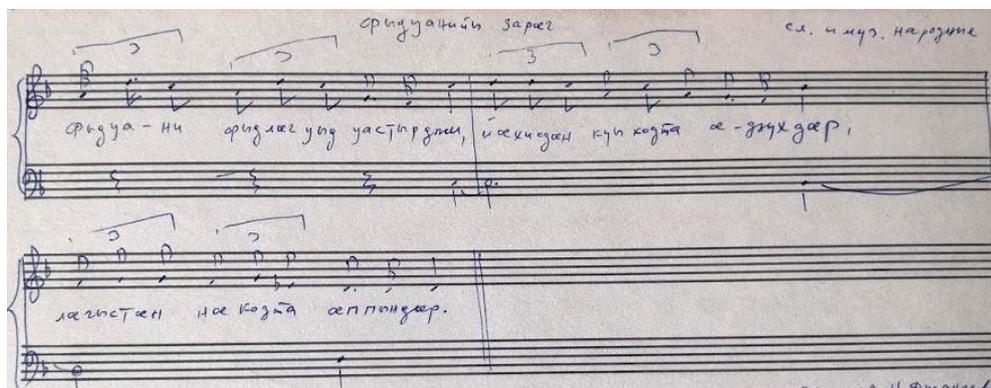

Рис. 4. Фыдуанийы зарæг

Фыдуани фыд лæг уыд, Уастырджи,
йæхистæн куы кодта æдзухдæр,
лæгыстæн нæ кодта æппындæр.

Фыдуани был злой (приносящий беду), Уастырджи,
собой всегда клялся,
а людьми никогда не клялся.

Сравнительный анализ нотировок, представленных на рис. 3 и 4, позволяет сделать вывод о высокой текстуальной близости. Основные различия сводятся к ритмической организации первого такта, а также к отдельным элементам пунктуации. При этом идентичность почерка и графических приемов нотной записи с высокой долей вероятности свидетельствует о фиксации обоих образцов одним лицом, которым, судя по атрибуции рис. 2, являлся композитор Алибек Бериев. Разница в ритмическом рисунке, а также в пунктуации может указывать на то, что один вариант был переписан с другого с внесением некоторых корректировок или уточнений. Несмотря на явные недостатки данных нотаций, они весьма убедительны интонационно и являются единственными вариантами песни в честь *Фыдуани/Фидуаней* с подтекстовкой.

Анализируя данные образцы, было выявлено:

- строение музыкальной строфы – из трех коротких фраз, с остановкой в конце;
- мелодическая линия имеет четкую ритмизацию;
- достаточно широкий диапазон развертывания мелодической линии в объеме октавы, общая логика развития которой связана с нисходящей ступенчатой волной, достигающей нижнего интонационного уровня в конце строфы;
- типичное для осетинской народной музыки многоголосие (солист и бурдон), строящееся на октавных созвучиях.

Ограниченность текста в размере одной строфы не дает возможности его типологического анализа, однако обращает на себя внимание то, что в стихотворной строчке данного образца происходит перенос ударений в соответствии с музыкальной акцентностью, то есть в словах *æппындæр* и *æдзухдæр* музыкальный акцент приходится на первый слог, что нарушает принцип лексической акцентуации.

Третий образец напева под названием «*Фыдуанийы зарæг*» обнаруживаем в антологии «Осетинский музыкальный фольклор» [21, 115]. Нотировка была сделана в 1946 г. в с. Фарн и принадлежит А. Тотиеву (рис. 5).

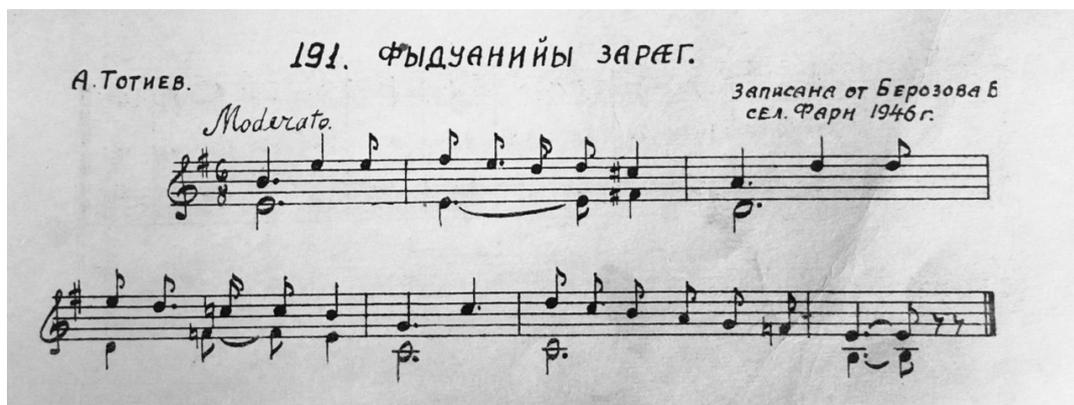

Рис. 5. Фыдуанийы зарæг

Данный вариант также зафиксирован в объеме одной строфы, состоящей из трех лаконичных фраз. В интонационном отношении представленный образец строится как нисходящая секвенция в диапазоне ноты. Нижний басовый голос поддерживает мелодическую линию в интервалах квинты и октавы.

В результате проведенного анализа всех трех образцов песни в честь *Фыдуани/Фидуаней* мы можем говорить об одной структурно-типологической группе напевов песен. Музыкально-ритмическая форма обнаруженных вариантов представляет собой период, состоящий из трех коротких предложений, где каждый сегмент разворачивается в равных временных объемах, а музыкальная строфа основывается на секвенционном развитии. Все три варианта песни демонстрируют четкую композиционную структуру с большой активностью ритмического начала.

Интересно отметить, что выявленные музыкально-стилистические особенности найденных вариантов песни *Фыдуани/Фидуаней* не характерны для осетинских религиозно-мифологических песен гимнического содержания. Однако, сравнивая эти образцы с эпическими *кадаг*'ами, мы наблюдаем ряд общих черт, среди которых: краткость изложения, логическая и структурная завершенность, соответствие одной стиховой строке, а также равномерность акцентуации, «в силу чего они свободно укладываются в рамки единого тактового размера» [22, 476–480].

На основании анализа приходим к выводу о принадлежности всех трех анализируемых вариантов песни в честь *Фыдуани/Фидуаней* к эпическому жанру, что подтверждается повествовательным характером текста в одном из образцов. Вполне вероятно, что в осетинской традиции типичных религиозно-мифологических песен в честь покровителя ветров и бурь не существовало, либо они просто не сохранились.

Возвращаясь же к вопросу о возможном родстве песен *Фыдуани/Фидуаней* с абхазским Дад Иуана, можем утверждать, что музыкально-типологический анализ выявляет их существенные различия как на уровне композиционной структуры, так и в отношении стилистических особенностей.

В современной обрядовой практике песни в честь *Фыдуани/Фидуаней* полностью вышли из употребления. Записать мотив, текст и даже сведения информантов об этой песне или контексте ее исполнения нам, к сожалению, не представилось возможным.

-
1. *Уарзиати В.С.* Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. 232 с.
 2. *Абаев В.И.* Религия, фольклор, литература // Избранные труды. В 2-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. 640 с.
 3. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2004. Кн. 2. 896 с. (на осет. яз.).
 4. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. 1. 601 с.
 5. *Туаллагов А.А.* «Аланская эпиграфика»: некоторые вопросы историографии и конец «полемики» // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11 (50). С. 3–38.
 6. *Алборов Б.А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе: Ир, 1979. 223 с.
 7. *Чибилов Л.А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1976. 301 с.
 8. *Гардантти М.К.* Уадзимистæ / Сост. Э.Б. Скодтаев. Владикавказ: Ир, 2007. 415 с. (на осет. яз.).

9. Айларов И.Х. Ирон фарн. Быт и обычаи осетинского народа. Владикавказ: Ир, 1996. 522 с. (на осет. яз.).
10. Агнаев Г.А. Осетинские обычаи. Владикавказ: Урсдон, 1999. 346 с.
11. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ: Терек, 1994. 284 с.
12. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012. Кн. 7. 617 с. (на осет. яз.)
13. Хозиты Ф. Традиции осетинского застолья. Владикавказ: Проект-Пресс, 2000. 124 с. (на осет. яз.)
14. Бигуаа В.Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М.: МАКС Пресс, 2018. 336 с.
15. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 4. История. Д. 64.
16. Калоев Б.А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1995. 245 с.
17. Дзлиева Д.М. Личный архив. Экспедиционный аудиофонд.
18. Ашхаруа А.Г. Озвученные рассказы об абхазской народной песне. Из цикла «История и музыка абхазского народа» (часть 1). Сухум, Арашь, 2014. 343 с.
19. Абхазские песни / Сост. В. Ахобадзе, И. Кортуга. Общ. ред. Н. Нариманидзе. М.: Музгиз, 1957. 348 с.
20. Фонограммархив Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Коллекция 203F.
21. Осетинский музыкальный фольклор / Отв. ред. А.С. Тотиев. М.-Л.: Музгиз, 1948. 127 с.
22. Цхурбаева К.Г. О напевах осетинских нартовских сказаний // Сказания о Нартах. Эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 469–483.

Dzlieva, Dzerassa M. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0009-0006-5295-4983>; e-mail: gegusa@gmail.com

OSETIAN SONG IN HONOR OF FYDYUANI: ISSUES OF GENRE AND MUSICAL STYLISTICS.

Keywords: *Ossetian folklore, Ossetian folk songs, traditional music, Ossetian culture, ethnomusicology.*

Songs of Fydyuani / Fiduanei in the Ossetian tradition were part of the cult in honor of the patron saint of strong winds and storms. In the modern ritual situation, both the holiday itself and the song genres that accompanied the ritual are becoming irrelevant. The study employs a comparative-analytical method to examine songs recorded at various points in history. The research materials consist of musical notation found in various archives, as well as the earliest known audio recording from 1936, stored in the Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkin House). Preliminary observations based on the analysis of the sources found suggest that all the songs analyzed have common structural features that are not characteristic of religious-mythological songs with hymnal content. A comparative analysis allows us to conclude that the genre of the discovered samples of Fydyiani / Fiduanei songs probably belongs to the epic genre. This is evidenced by such characteristic musical and stylistic features as brevity of presentation, logical and structural completeness, correspondence to a single verse line, uniformity of accentuation, etc. In addition, the article refutes the opinion of some Abkhaz scholars who put forward the theory of the proximity of the Ossetian cult of "Fidyuani" to the Abkhazian "Dziuaa" and "Dad luana." The novelty of the research is due to the lack of specialized scientific works in the field of

ethnomusicology devoted to the song in honor of the Ossetian patron of winds and storms. The publication is accompanied by musical notation. Some of the notations have been deciphered by the author of the article and are being introduced into scientific circulation for the first time.

For citation: Dзлиева, D.M. Ossetian song in honor of Fyduani: issues of genre and musical stylistics // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 59 (98). Pp. 145–155. (in Russian). DOI:

References

1. Uarziati, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [The festive world of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for the Humanities, 1995. 232 p.
2. Abaev, V.I. *Religiya, folklor, literatura* [Religion, folklore, literature]. *Izbrannye trudy. V 2-kh t.* [Selected Works. In 2 vols]. Vladikavkaz, Ir, 1990, vol. 1. 640 p.
3. *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart legends. Epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2004, book 2. 896 p. (In Ossetian).
4. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i folklor* [Ossetian Language and Folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. 1. 601 p.
5. Tuallagov, A.A. “Alanskaya epigrafika”, *nekotorye voprosy istoriografii i konets “polemike”* [“Alanic Epigraphy”, Some Issues of Historiography and the End of “Polemic”]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss. 11 (50), pp. 3–38.
6. Alborov, B.A. *Nekotorye voprosy osetinskoi filologii* [Some issues of Ossetian philology]. Ordzhonikidze, Ir, 1979. 223 p.
7. Chibirov, L.A. *Narodnyi zemledel'cheskii kalendar' osetin* [The folk agricultural calendar of the Ossetians]. Tskhinval, Iryston, 1976. 301 p.
8. Gardanti, M.K. *Uadzimistæ* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 2007. 415 p. (In Ossetian).
9. Ailarov, I.Kh. *Iron farn. Byt i obychai osetinskogo naroda* [Ossetic Farn. Way of life and customs of the Ossetian people]. Vladikavkaz, Ir, 1996. 522 p. (In Ossetian).
10. Agnaev, G.A. *Osetinskie obychai* [Ossetian customs]. Vladikavkaz, Ursdon, 1999. 346 p.
11. Dzadziev, A.B., Dzutsev, Kh.V., Karaev, S.M. *Etnografiya i mifologiya osetin. Kratkii slovar* [Ethnography and mythology of the Ossetians. A brief dictionary]. Vladikavkaz, Terek, 1994. 284 p.
12. *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart legends. Epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2012, book 7. 617 p. (In Ossetian).
13. Khoziaty, F. *Traditsii osetinskogo zasto'lya* [Traditions of the Ossetian feast]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2000. 124 p. (In Ossetian).
14. Biguaa, V.L. *Ritual'nyi mir traditsionnoi religii abkhazov* [The ritual world of the traditional religion of the Abkhazians]. Moscow, MAKS Press, 2018. 336 p.
15. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy* [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund 4. History. Case 64.
16. Kaloev, B.A. *Mozdokskie osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Mozdok Ossetians. Historical and ethnographic study]. Moscow, Nauka, 1995. 245 p.
17. Dзлиева, D.M. *Lichnyi arkhiv. Ekspeditsionnyi audiofond* [Personal archive. Expeditionary audio collection].
18. Ashkharua, A.G. *Ozvuchennye rasskazy ob abkhazskoi narodnoi pesne. Iz tsikla “Istoriya i muzyka abkhazskogo naroda”, chast' 1* [Voiced Stories about the Abkhazian Folk

Song. From the cycle “History and music of the Abkhazian people” (Part 1)]. Sukhum, Arash, 2014. 343 p.

19. Akhobadze, V., Kortua, I. (comps), Narimanidze, N. (ed.). *Abkhazskie pesni* [Abkhazian Songs]. Moscow, Muzgiz, 1957. 348 p.

20. *Fonogrammarkhiv Instituta russkoi literatury RAN. Pushkinskii dom* [Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. Pushkin House]. Collection 203F.

21. Totiev, A.S. (ed.). *Osetinskii muzykalnyi folklor* [Ossetian musical folklore]. Moscow-Leningrad, Muzgiz, 1948. 127 p.

22. Tskhurbaeva, K.G. *O napevakh osetinskikh nartovskikh skazanii* [On the melodies of Ossetian Nart legends]. *Skazaniya o Nartakh. Epos narodov Kavkaza* [Legends of the Narts. Epic of the Peoples of the Caucasus]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 469–483.